

ческая лестница авангарда // Russian Literature. Amsterdam, 1992.

3. Все цитаты из произведений Н. Заболоцкого приводятся по изданию: Заболоцкий Н. Собрание сочинений в трех томах. М.: Худ. лит., 1983 – с указанием номера тома и страницы.

4. О символике мирового столпа и круга, а также мотиве столпотворения в «Городских столбцах» см. подробнее в нашей работе: Фольклорная и мифо-ритуальная традиция в «Городских столбцах» Н. Заболоцкого. Дисс. ... канд. фил. наук, Волгоград, 1996.

5. Цитируется по книге: «Воспоминания о Н. Заболоцком». М., 1984. С.93.

© Н.В. Розенберг
Новосибирск

ФОЛЬКЛОРИЗМ МАЯКОВСКОГО, РИТУАЛ И АРХАИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Говоря о связи фольклора с ритуалом, прочно закрепившимся в поэтической системе Маяковского, нельзя не упомянуть о такой древней обрядовой форме, как проклятия. Подобное часто встречается в максимально идеологизированных текстах (в «Оде Революции»¹: «Тебе, обывательское – / а, будь ты проклято трижды!» [II; 101], в стихотворении «Сволочи!»: «Будьте прокляты! // Пусть / ваши улицы / бунтом будут запружены» [I; 58] и т.д.). «Старые жанры просыпаются во всем их монументальном величии, во всех аллегорических моментах, включая – унаследованные от Евангелия и языческих мифологий – мотив солнечного затмения, природной катастрофы...»,² «сопутствующей смерти монарха». Здесь Маяковский обращается к символике черного солнца: «задрожали вдруг / и стали черными / люстр расплывшихся огни»; «Ни солнца, / ни льдины слитка. // Все / сквозь газетное ситко / черный / засиял снег» [II; 289]. Вся природа сочувствует герою, но, отвергая христианскую «веру в загробь», Маяковский надеется на телесное бессмертие, посылая «Прощение на имя»: «Вижу, / вижу ясно, до деталей < ... > / рассиявшись, / вжитая веками / мастерская человечьих воскрешений. // Вот он, / большелюбый / тихий химик, / перед опытом наморщил лоб. // Книга «Вся Земля», – / вписывает имя. // Век двадцатый. // Воскресить кого б? – Маяковский вот» [II; 214]. Л. Кацис соотносит сочетание вселенской любви мозга химика в «Про это» с розенкрейцеровской идеей универсальной «трансмутации» и «очищения космоса посредством любви»³. Это предположение он подкрепляет доводом о распространенности розенкрейцеровских кружков, действовавших в советской России до конца 20-х г. Но пока не прояснены мотивно-идеологические связи между Маяковским и пролеткультовскими оккультно-технологическими изысканиями (Филипченко, Санников и др.), эта тема остается ин-

тригующей.

Убеждая потомков в необходимости своего воскрешения, он готов был сделаться даже сторожем в зверинце в надежде встретиться со своей возлюбленной: «Может; / Может быть, / когда-нибудь / дорожкой зоологических аллей / и она – / она зверей любила – / тоже ступит в сад, / улыбаясь, вот такая, / как на карточке в толе. // Она красивая – / ее, наверное, воскресят [II; 216]».

Этой встрече, как и «прошению», предшествует сцена гибели (Харон, «Полусмерть» и «Последняя смерть»), а затем звездного полета (плавания): «Глядит / в удивленьи небесная звезда – / затрубадурила Большая Медведица. // Зачем? // В королевь поэтов пролезть? // Большая, / неси по векам – Араратом / сквозь небо потопа / ковчегом-ковшом! // С борта звездолета / медведьжеским братом / горланю стихи мирозданию в шум < ... > / Пристаёт ковчег. // Сюда лучами! // Пристань. // Эй! // Кидай канат ко мне <...> / Солнце / ночь потопа высушила жаром» [II; 210–211]. Безусловно, мотив пристани восходит к христианской символике Ноева ковчега; «локальный» потоп перерастает в потоп вселенский, а в заключение небесного путешествия перед нами библейская легенда о высохшей после потопа земле и намек на соляную утопию, а так же астрологическую мифологию «звездного странствия душ»: «Люди и тени стоят у входа / В зоологический сад планет» [II; 217].

С середины 20-х, не довольствуясь уже эпизодичностью своих прорывов в будущее, он налаживает связь с потусторонним миром, занимаясь чем-то «спиритизма вроде» – см., например «Юбилейное», в котором Маяковский указывает на свое место в пантеоне: «После смерти / нам / стоять почти что рядом: / вы на Пе, / а я я / на эМ» [I; 219]. Он беседует с Тургеневым и Виардо, с царицей Тамарой и Лермонтовым, с Веринем и Сезанном.

Гораздо ярче спиритический настрой проступает у него в стихотворении «Сергею Есенину». Р. Якобсон полагал, что это – попытка заклипания Маяковским собственной смерти (но это заклятие жизнью «звучит еще могильнее, чем последние стихи Есенина»⁴. При внимательном рассмотрении можно увидеть следующее: «В холле / тупые рифмы / загонять / колом». Дело в том, что висельников, да и всех заложённых покойников, фольклорный обычай предписывал хоронить по следующему обряду: вбивается кол в мертвеца или в могилу с целью предотвращения их губительного возвращения (позднее, как известно так поступали с вампирами). Ср. в «Письме... Алексею Максимовичу Горькому»: «Столько-то увесистых томов / как столько-то колов / Русью загоняет в Русь Романов». И ниже: «А к решеткам памяти / уже понесли / посвящений / и воспоминаний дрянь» [I; 348]. (Изначально было «хлама», см. в статье «Как делать стихи?» [II; 689]). Д. Зеленин пишет: «Во многих местах Европейской России существует обычай ки-

дать на могилы некоторых заложённых покойников (большей частью самоубийц), разные вещи: ветки древесные, клочки сена или соломы, щепки, землю, камни. Обычай этот существует у многих народов земного шара, между прочим, у литовцев, у евреев, у киргизов и др.»⁵. По поводу «решетки» мы сошлемся на другое замечание Зеленина: Могилу заложённого покойника принято было ограждать кольями.⁶ (Правда, насчет евреев Зеленин напутал: обычай вообще предписывает класть камни в знак уважения к мертвецам, без какой-либо оглядки на оберег.) Фольклорно-магический подход означен уже в первых строках: «Вы ушли, / как говорится, / в мир иной. / Пустота ... / Летите, / в звезды врезываясь». По народным поверьям, «самоубийцы <...> , принимая вид звезды, обречены на вечное скитания»⁷ [II; 348].

Стремясь ослабить эффект Есенинского самоубийства и обаяние его предсмертного послания, Маяковский неосознанно прибегает к обрядовым мотивам: «Встать бы здесь / гремящим скандалистом: / – не позволю мямлить стих / и мять! // Оглушить бы / их / трехпалым свистом / в бабушку / и в бога душу мать! // чтобы разнеслась бездарнейшая погань, / раздувая / темь / пиджачных парусов, / чтобы / врассыпную / разбежался Коган, / встреченных увеча / пиками углов» [I; 348–349]. Здесь вновь обнаруживается магический элемент – «свист – языческий оберег от языческой силы»⁸. А матерное «В бабушку и в бога душу мать» – издревле считалось защитой от нечисти. Да и ночные медитации Маяковского проникнуты фольклорно-романтической бесовщиной. В 18-й главе «Хорошо!» мотив коммунистического бессмертия омрачен страхом столкнувшегося с загробными чудищами: «Но / могилы / не пускают, / и меня / останавливают имена» [II; 291]. Во время прогулки поэт ведет разговор с мощами большевиков, пробуждающихся подобно вампирам: «И чудится мне, / что на красном погосте / товарищей / мучит / тревоги отравы. // По пеплам идет, / сочится по кости, / выходит / на свет / по цветам / и по травам» [II; 294].

Повествователь убеждает «великие тени», которые «ходят, / будя / и вода» вернуться к вечному покою: «Спите, / товарищи, тише <...> / Кто / ваш покой отберет?» [II; 294]. Вожде́нное будущее, как и время вообще, рисовалось ему часто в виде солнечного божества: Тельца, рыжего всадника, огненного дракона. Но помимо этого Хронос у Маяковского еще в одной группе предельно архаических образов, связанных с небом – «безглазым василиском (из ранних стихов), а с другой стороны, примыкающий к тем «ископаемым чудовищам», с которыми он сравнивал себя в предсмертной поэме. Это циклопы, слепые Вии и т.п.: «От времени, когда / пробавки носорожки, / ящерьи прапрадеды и крокодилы, / ни на что воображаемые не похожи, / льдами – броненосцами катили...» [II; 222]. Такое же чудовище соединяет в обличье Бруклинского (суперсовременного) моста прошлое с

будущим: «Если / придет / окончание света – / планету / хаос / разделяет лык, / и только / один останется / этот / над пылью гибели / вздыбленный мост, / то, / как из косточек, / тоньше иголок, / тучнеют / в музеях стоящие / ящеры, / так / с этим мостом / столетний геолог / сумел / воссоздать бы / дни настоящие» [1; 337].

Тот животное-первобытный варварский примитивизм был глубинной сутью движения футуристов, с наибольшей силой сконцентрировавшей в поэзии Маяковского. Таким образом, бесчисленные зоологические метаморфозы – поиск забытого тотема. С наибольшей силой (по крайней мере, эксплицитно на уровне текста) это подтверждается трагедией «Владимир Маяковский», где главный персонаж – Медведь. В.В. Иванов отмечает, что «значение медведя определяется прежде всего его подобием человеку, толкуемым мифопоэтическим сознанием как указание или происхождение друг от друга»⁹. В ритуале, как и в мифологических представлениях, это животное выступает воплощением души, более того, оно – звериный двойник, оборотень и т.п. Если рассматривать данный факт в мифопоэтическом контексте в целом, то мотив двойничества, характерный для творчества В. Маяковского, подтверждает наличие «некой ритуальной» базы: дионисийский ритуал (смерть и возрождение бога, который уже по сути своей – соединение двух начал) и связанная с ним определённая ритуализация действия в трагедии.

Впрочем, взаимосвязь культа, мифа и героического эпоса (в основе своей глубоко тотемичного) во всём объёме текста В. В. Маяковского – тема отдельного, более детального исследования.

Примечания

¹ Здесь и далее цит. по изд. В.В. Маяковский. Собр. соч. в 2-х т. М. 1988. 768 с.

² Вайскопф М. Барочно-религиозные темы в поэзии В. Маяковского / Русский авангард в кругу европейской культуры. Международная конференция. М., 1993. С. 4-7.

³ Кацис Л. Гейне. Розанов. Маяковский. К проблеме иудео-христианского диалога в русской культуре XX века // Литературное обозрение. 1993. №1-2. С. 85–93.

⁴ Янгиров Р. «Великая утопия». К истории пореволюционной идейной эволюции художественного авангарда // Литературное обозрение. 1993. №9–10. С. 55–60

⁵ Зеленин Д. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. 292 с.

⁶ Там же. С.54.

⁷ Там же. С.54.

⁸ Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С.135.

⁹ Иванов В. В. Русские мифологии: Учеб. пос.: словарь-справочник / автор-сост. В.В. Иванов. Петрозаводск, 1998. 246с.